

УДК 811.133.1'373

УПОТРЕБЛЕНИЕ АРГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ
И В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

О.В. ПАРШУТО

(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается употребление арго во французском разговорном языке и художественном тексте. Изучается проблема определения термина «арго» и констатируется тот факт, что существующая терминология слишком разнообразна, а предлагаемые термины часто без надобности дублируют друг друга или недостаточно точно описывают изучаемые явления. За наиболее точное принимается определение арго, данное Э.М. Береговской и соответствующее французской лингвистической системе. Также исследуется природа арго с точки зрения лингвистики, стилистики, изучаются его характерные черты, функции и причины употребления во французском разговорном языке и художественном тексте. Делается вывод о том, что употребление арго в речи персонажей художественных произведений соответствует функциям арго в речи и применяется авторами для достижения различных стилистических эффектов, большей правдивости в описании тех или иных персонажей, «местного колорита» и др.

Введение. Проследив историю возникновения и развития арго в языковой культуре Франции, можно сделать вывод о том, что простое отрицание этого речевого явления в официальном и литературном языках не решает проблемы смешения и взаимопроникновения стилей и уровней языка. Многие писатели и поэты охотно использовали элементы этого субъязыка в своих произведениях. Так, Бальзак писал: «Нет языка более энергичного, живописного, чем арго, которое постоянно развивается. Этот язык следует за цивилизацией, он наступает ей на пятки, оно обогащается новыми выражениями при каждом новом изобретении» [1, с. 9]. В течение долгого времени в силу разных причин арго находилось вне поля зрения официальной лингвистической науки, так как относилось к просторечью, сниженной лексике. Однако ещё в начале XX века русский лингвист А. Пешковский [1, с. 3] предложил не разделять язык на «красивые» и «некрасивые» части, а относиться к арго с позиции учёного, т.е. нейтрально.

На данный момент в лингвистической науке существует достаточно большое количество исследований, посвящённых арго. Это работы таких учёных, как Д.С. Лихачев, В.Д. Бондалетов, М.А. Грачев, В.С. Елистратов, З. Кёстер-Тома, Э.М. Береговская, П. Гиро, Л.-Ж. Кальве, Д. Франсуа-Жежер, М. Сурдо, Ж.-П. Гудайе. Однако специальных исследований, посвящённых проблеме проникновения и функционирования арго в языке современной французской художественной литературы, известно немного. Мы сошлёмся на монографическую статью крупнейшей французской исследовательницы современного арго Д. Франсуа-Жежер [2] и исследование её российской коллеги Э.М. Береговской [3].

Принимая во внимание всё большее проникновение арготизмов во все сферы жизни и языковой активности людей, следует отметить, что арго – это важный элемент национального языка, а незнание арготизмов затрудняет понимание как на уровне речевой коммуникации, так и на уровне современного литературного текста. Однако при недостаточности реальной языковой практики именно изучение литературных текстов является важным. Для того чтобы проследить употребление арго во французском художественном тексте, были исследованы следующие произведения: Шарль Эксбрэй «Позор семьи» (Charles Exbrayat «La Honte de la famille») [4]; Мари Дарьюсек «Хрюизмы, или Избитые истины» (Marie Darrieussecq «Truismes») [5]; Файза Ген «О мечте для тронутых» (Faïza Guène «Du Rêve pour les oufs») [6], а также глава из произведения Алена Шифра «Парижане» (Alain Schifres «Les parisiens»), «Словарь для экспедиций, или Парижские диалекты» («Lexique à l'usage des missions») [7].

Проблема терминологии

Прежде чем рассматривать арго как феномен социальной речи в современном языке, следует уделить внимание проблеме терминологии, так как существует множество определений для данного явления. Это объясняется тем, что «арго – одно из самых противоречивых явлений языковой культуры» [8, с. 35], а «вычленив его как замкнутую систему, как объект наблюдения можно только условно» [9, с. 40]. Поэтому филологам крайне сложно установить строгие терминологические рамки с чёткими определениями составляющих предмет исследования. Как пишет В.С. Елистратов [8, с. 36], «получилось так, что по поводу арго и жаргонов лингвисты создали свой жаргон, причём, в отличие, например, от носителей «блатной музыки», сами лингвисты понимают друг друга не всегда». Возникли такие термины, как «жаргон», «арго», «жарго», «технолект», «сленг», «общее арго», «интержаргон», «жаргонизированная лексика». Кроме того, следует обратить внимание на несовпадение значения этих терминов в русской и зарубежной лингвистике (таблица).

Так, ни французская, ни русская лингвистика не хотят принимать термин «сленг», но вместо этого предлагают свои определения. С другой стороны, английская лингвистика фактически не различает термины «арго» и «жаргон» и фиксирует свое внимание на терминах «сленг» и «кант». Русская лингвистика

слишком узко понимает «арго» (лексика представителей криминальной среды) и слишком расширительно – «жаргон» (профессионализмы, технические термины, лексика более или менее закрытых социальных групп, в том числе преступников). Однако наиболее точной нам представляется классификация, принятая во французской лексикологии. Это обусловлено тем, что специалисты парижского Центра арготологических исследований, созданного в 1986 году Д. Франсуа-Жежер, Ж.-П. Гудайе, М. Сурдо и другими, целенаправленно занимаются изучением социальных диалектов и разработали определённые критерии, по которым следует различать различные термины, относящиеся к этой области науки [10].

Терминологическое разнообразие в определении арготизмов

Термин		Французская лингвистика	Русская лингвистика	Англоязычная лингвистика
социолект – коллективный, групповой язык	арго	Речь ограниченных сообществ, используемая в криминальных целях	Лексика закрытых сообществ, использующаяся для языкового обособления от остальных членов общества, в первую очередь лексика криминальной среды	Слова, используемые специфической группой людей или особенной профессией, которые трудно понять остальным
	жаргон	Технический язык общего характера (профессионализмы)	Язык более-менее замкнутых социальных групп, в том числе жаргоны профессиональные, молодежные, классово-прослоечные, по интересам и увлечениям и т.п.	
	технолект	Научные и технические термины		
	общее арго, или жарго	Совокупность арготизмов, общих для различных групп пользователей независимо от их социального статуса	Ярко эмоционально окрашенная, подчеркнуто неофициальная разновидность разговорной речи	Очень неформальные слова и выражения, характерные для разговорной речи, используются специфическими группами людей
	сленг	Англосаксонское «общее арго»		
	интержаргон, междужаргонная лексика	– (синоним общего арго)	Сниженный стиль общения в среде молодежи; промежуточное образование, между различными жаргонами	

Таким образом, под *арго* мы будем понимать «деформированную речь, состоящую из более или менее произвольно выбираемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяющуюся отдельной социальной группой с целью языкового обособления от остальной части данной языковой общности». Это определение термина «арго» было предложено одной из первых русских исследовательниц французского арго Э.М. Береговской в докторской диссертации «Язык художественной литературы и социальный диалект» и впоследствии употреблялось ею в других работах [3, с. 11]. Оно имеет то преимущество, что соотносится с определением «арго», данным французами Гастоном Эно и Денизой Франсуа-Жежер. В их определении арго – это совокупность нетерминологических слов, которые нравятся определенной социальной группе.

Основные характеристики арго

Для более полного понимания сущности арго рассмотрим его природу с точки зрения лингвистики и стилистики и обратим внимание на его характерные черты, функции и причины употребления во французском разговорном языке и художественном тексте.

Теоретик лингвистики Гюстав Гийом писал, что язык в целом состоит из устоявшихся, т.е. ранних средств языка, прижившихся в нём и составляющих его основу. Однако, утверждает он, «надо учитывать, что существуют разные степени устоявшегося, и чем более явление устоялось, тем глубже оно опускается в язык, в то время как чем меньше оно устоялось, тем выше оно поднимается в речевой акт» [11, с. 90]. По теории Гийома, язык состоит из двух элементов: выражения (экспрессии) – устоявшегося аспекта; выразительности (экспрессивности) – импровизационного аспекта. В общей истории языка, как считает Г. Гийом, выразительность первична по отношению к выражению, так как импровизация способствует развитию языка [11, с. 89 – 90]. К экспрессивным средствам языка также можно отнести и арго.

Рассматривая арго в стилистическом аспекте, мы неизбежно приходим к таким понятиям, как языковая норма и функциональные стили речи. По определению, данному З.И. Хованской, языковая норма – это «устоявшийся, принятый языковым коллективом способ выражения, т.е. языковой стандарт, образец, регулирующий речевую деятельность в целом или в её функционально-коммуникативных разновидностях» [12, с. 68]. Функциональные стили речи – «специфическое проявление общенародного языка, как социально-устоявшийся, типизированный способ выражения, приспособленный к соответствующей сфере и условиям общения» [12, с. 190]. Ещё со времен Вергилия выделялось три стили речи: возвышенный (высокий), умеренный (средний) и простой (низкий). Однако в современной стилистике выделяют сле-

дующие стили: а) для описания устной спонтанной речи: 1) фамильярный; 2) популярный или арготический; б) для описания письменной речи: 3) официальный; 4) научный; 5) стиль социальной и политической коммуникации; 6) литературный стиль; 7) стиль рекламы и объявлений; 8) ораторский (стиль публичных выступлений) [13, с. 165].

Как мы видим, арго относится к популярному стилю, однако это не значит, что оно не может употребляться в других стилях речи (например, фамильярном или даже литературном). По мнению З.И. Хованской, оно выходит за рамки литературной нормы, но не противоречит общезыковой норме и входит во внутреннюю норму фамильярного стиля речи [12, с. 68 – 95]. Изучая экстралингвистические параметры речевой коммуникации, З. Кёстер-Тома кроме языковой нормы (стандарт) выделяет также субстандарт («языковые элементы, обладающие свойствами системы, которые проявляются на всех языковых уровнях (например, диалект, язык фольклора)» и нонстандарт – «языковые формации, не представляющие систему и распространенные на лексико-фразеологическом уровне (например, жаргон, мат)» [14, с. 17 – 18]. По его классификации, арго (а также жаргоны, сленг, мат) относится к категории «нонстандарт».

Долгое время велись споры о том, следует ли считать арго отдельным языком или нет. Например, В. Гюго писал: «Арго, согласны вы с этим или нет, имеет свой синтаксис и свою поэзию. Это язык» [15, с. 267]. А в Большом универсальном словаре XIX века Пьера Лярусса можно прочитать: «Бедный на выражения обычного языка, арго богат, когда нужно выразиться о преступлениях и дурных действиях... За всеми словами, которых нет в арго, они вынуждены обращаться к французскому языку. Синтаксис этого своеобразного языка не отличается от французского» [16, с. 752]. Однако Д. Франсуа-Жежер ставит точку в этой дискуссии, утверждая, что с лингвистической точки зрения «все виды арго определяются созданием лексики, которая частично преобразует общезыковой словарный запас и наряду с этим включается в фонетическую и грамматическую системы языка (в простонародной форме), серьезно не нарушая их» [2, с. 6]. Также она отмечает, что эта лексика, дублирующая основной словарный запас, «имеет собственное коннотативное или культурное значение: *on déçoit* («сваливаем») не является переводом *on part* («уходим»)» [17, с. 5]. Таким образом, арго – это чисто лексический феномен.

Как это показывает Э.М. Береговская [9, с. 38; 3, с. 21 – 22], для арго характерны следующие *черты*: а) *депрециативность* (заключается в весьма критическом, ироничном отношении ко всему, что связано с давлением государственной машины); б) *воспаленная метафоричность* (богатое словотворчество); в) *комический, озорной характер* (когда «в арготизме шутливо вибрируют одновременно и его арготическое значение, ясное из контекста, и значение его омонима из общенационального языка, ожившее благодаря сравнению» [3, с. 22], например, во фразеологических оборотах «*rond comme une bille*» («круглый, как шарик» = пьяный), «*tondu comme un gazon*» («подстриженный, как газон» = разоренный, без гроша).

Можно назвать следующие основные способы образования новых арготизмов: а) *деформация известных слов*, например, с помощью добавления, замены или усечения суффиксов (*argomuche* <= *argo*, *calmos* <= *calme*; *parigot* <= *parisien*; *boutanche* <= *bouteille*; *occase* <= *occasion*); б) *усечение слов* (*Sébastol* <= *Sébastopol*, *d'hab* <= *d'habitude*); в) *метатеза* (перестановка букв или слогов внутри слова – на этом способе основан верлан: *géman* <= *manger*, *laisse béton* <= *laisse tomber*, *chemo* <= *moche*); г) *ключевые коды* (см. выше); д) *смещение значения слова*: метафора (*flûtes* (флейты) вместо *jambes* (ноги), *blé* (зерно) вместо *argent* (деньги) и метонимия (*la lame* (лезвие) вместо *couteau* (нож)); е) *заимствования* (особенно много в «языке предместий»: *maboul* (*fou*) из арабского, *chourav* (*voler*) из румынского, *go* (*filles*) из африканский языков, *taf* (*travail*) из традиционного французского арго); ж) *смешанный тип словообразования* (*chichon* <= *chicha* + *on* <= *haschisch* – верлан + усечение + паразитарная суффиксация) [2, с. 35]. В результате создаётся множество многозначных слов, значение которых можно понять лишь из контекста. Например, слово «*jus*» (сок) может обозначать какую-либо жидкость, воду (в ограниченном количестве выражений: *lancer un type au jus*, *se jeter au jus*), кофе, школьный реферат или доклад. Это в значительной мере способствует обогащению языка.

Рассмотрим также вопрос о пользователях арго. Исторически пользователями арго были деклассированные элементы общества, преступники и нищие. Помимо того им пользовались низшие сословия. В «Истинных принципах грамматики...» Дю Марсэ конца XVIII века можно даже встретить следующее противопоставление: «Всякая речь, употребляемая среди лиц высшего сословия нации, называется язык; но та, которая употребляется лишь среди простонародья, именуется жаргон» [18, с. 116]. (В XVIII веке слова «арго» и «жаргон» были синонимами.). Однако впоследствии, в силу социальных изменений, вызванных научно-технической эволюцией, арго демократизировалось, и им стали пользоваться члены любых закрытых, достаточно однородных по своему составу сообществ, независимо от того, устойчивые они или передвижные: появились различные профессиональные арго, арго студентов, солдат, комедиантов и др. С формированием «общего арго» употребление арготизмов распространилось практически на все слои населения, к какой бы социальной группе они не принадлежали. В современных условиях употребление или неупотребление арготизмов зависит от ситуации общения и не является чем-то негативным, если не «набивать ими свою речь до отказа», т.е. не употреблять их беспорядочно. Например,

Д. Франсуа-Жежер пишет: «здороваясь с учителем говорить «Bonjour, Monsieur le prof» так же неуместно, как говорить «Monsieur le professeur», общаясь со своими одноклассниками на перемене» [19, с. XV].

Переход арготизмов в фамильярный стиль общенародного языка («общее арг») способствует его проникновению и в литературные произведения. И хотя о допустимости применения арготизмов в литературе было много споров, поэтов, употребляющих их, даже заключали в тюрьму (Жан Ришпен), сегодня уже сам факт того, что писатели, использующие элементы арг в своих произведениях, приняты и в Академию Гонкуров, и во Французскую Академию, говорит о том, что это больше не является зазорным. Так, Реймон Кено считает, что они органичны в художественной речи, придают ей современный характер» [3, с. 11], а Андре Мартине в своей книге «Французский язык без прикрас» высказывает мнение о том, что «все табу, все меры предосторожности ... никогда не мешают языку меняться, и чтобы литературный язык не превратился в язык литургии в результате от разговорного, рано или поздно он будет вовлечен в эти изменения» [цит. по 1, с. 10].

Функции арг в современном французском языке и художественном тексте

Причины употребления арг тесно связаны с его функциями. Выделяются *три основные функции арг* в языке и художественном тексте:

1) *криптическая (криптолалическая)* в работах Э.М. Береговской и Е.А. Козельской), которая позволяет скрыть смысл высказывания от членов, не принадлежащих к данной закрытой группе (полицейских, родителей, учителей...). Эта функция является центральной в определении, что же такое «арго» и при возникновении новых арготизмов: как только какой-то термин арг становится общедоступным, сразу же придумывается новый арготизм, для сохранения секретности высказывания;

2) *идентификационная, или репрезентативная* функция («я – свой») позволяет распознать члена своей группы, ощутить свою принадлежность к ней или даже утвердить некую иерархию. Эта функция играет особенно важную роль в «языке предместий»¹. Так, в романе Файзы Ген «О мечте для тронутых» [6] арг используется персонажами в целях сокрытия смысла высказывания и идентификации. Чтобы понять этот роман, написанный как зарисовки о жизни жителей парижского предместья, неискушенному в арг предместий читателю придется прибегать к специальным словарям [20], так как не всегда из контекста можно догадаться, о чём идет речь. Приведем для примера следующую реплику (девушка говорит об испорченной прическе): «C'est vrai, c'est hyper-moche, j'admets. Cette conne de coiffeuse de chez Jean-Louis David, elle m'a mis des grosses disquettes dans la cervelle, je me suis fait barber, elle a réussi à me convaincre que ça m'allait super-bien. En plus, je lui ai laissé cinq euros de pourboire! Venez, on y retourne et on la marave, non? J'ai la haine, ça y est...»² [6, с. 135]. Чтобы понять это высказывание, нужны пояснения: moche – некрасивый, уродливый; mettre les disquettes – давать много информации с целью убедить кого-либо в чём-либо; se barber – надоедать, наскучить; maraver – бить, лупить. Преступники в романе Шарля Эксбрэя «Позор семьи» [4], общаясь между собой и используя арготизмы, также делают это, с одной стороны, с целью скрыть содержание сообщения от посторонних (*криптическая функция*), а с другой – потому что так принято в этом кругу (*функция идентификации*). В этом произведении по долгу профессии полицейские разделяют с преступниками их арготический лексикон («caïd» – главарь банды; «taule» – тюрьма; «chorin» – удача, везение; «doubler» – обмануть, предать и др.), но также имеют своё собственное арг (например, «coincer», «sauter», «alpaguer», «boucler» – арестовать; «se mettre à table» – признаваться, выдавать сообщников; «un cheval de retour» – рецидивист и др.);

3) *людическая функция (игровая)* определяется тем, что «говорящий играет словами в соответствии с определенными правилами» [1, с. 8] и получает от этого эстетическое удовольствие. С помощью игры слов человек старается выделиться из толпы. Кроме того, людическая функция играет важную роль в *зашифрованных арг* (ларгонжи, жаванэ, лушебем, верлан), когда есть определённая схема, по которой шифруются слова, и особое удовольствие состоит в их расшифровке. Эта функция также играет важную роль в языке предместий и является определяющей в современном «общем арг». В речи художественных персонажей эта функция сказывается и в употреблении верлана («chelou», «ouf»), и в яркой метафоричности (например, выражение «je vais le faire frire comme une merguez» [5, с. 95] (я зажарю его как сосиску) в значении «отругать»), и в новых метонимических значениях слов (например, «une ggue» [5, с. 23] (журавль) в значении «проститутка»), или образовании новых слов от уже известных («cassos» <= cas sociaux, социально незащищённые лица). Особенную роль людическая функция играет в речи персонажей, говорящих на «модном французском» (français branché), описанию которых Ален Шифр посвятил целую главу в своём романе «Парижане» [7]. Арг молодежи он называет «adoparisien», а арг так называемых

¹ «Язык предместий» (le langage des cités) – современное «социологическое арг» [32, с. 13], сформировавшееся в парижских пригородах, своеобразных гетто для иммигрантов из Магриба и других стран на основе их языков, традиционного французского арг и французского языка.

² «Ну да, я допускаю что это стрёмно. Эта дура-парикмахерша из салона Жана-Луи Давида навешала мне лапши на уши, задуррила мне голову и ей удалось меня убедить в том, что мне всё классно идёт. Я к тому же ей еще и 5 евро оставила на чай. Идемте, вернемся туда и врежем ей, а? Ну всё, я в бешенстве...». (Перевод наш – О. П.).

«модных» парижан – «parigomondain». Так, подростки, стремящиеся к максимализму, характеризуют всё противопоставлением понятий «*nul*» (gore, naze, glauque, dur, dur dur, lourd, grave, craignos, bof) и «*génial*» (flashant, géant, lourd, grave, canon, mortel, délire, classieux, good, cool, zen, wouahou) [4, с. 202], а когда им не хватает этих терминов, добавляют приставки *super-*, *hyper-*, *super mega-*, *hypra-*. (Ср. «О мечте...»: «Trois beaux types qui dansaient archi-bien» [5, с. 153].) «Модные» парижане образуют множество существительных от глаголов и прилагательных (субстантивация): «с'est confort» вместо «с'est confortable», «un nouveau concept coupe-coiffure» вместо «une nouvelle manière de couper les cheveux» [7, с. 214 – 215] и т.д. Но верно и обратное: образование новых глаголов от существительных: «positiver» от positif, «il tabastoppe» вместо «il arrête de fumer», «elle va dalider tous les samedis» вместо «tous les samedi elle se rend sur la tombe de Dalida» [7, с. 220 – 221]. Парижане активно используют литоты³ («Pas mal ce petit pinard» вместо «ce Gamay est vraiment super» [7, с. 209]) и эвфемизмы⁴ («Chez moi c'est un peu une sorte de bordel» [7, с. 205]) или, наоборот, нагромождают гиперболами⁵ свою речь вплоть до абсурда («с'est un écorché vif au dernier degré» («с него до последней степени заживо содрали кожу»), «vivre dans le surréalisme le plus absolu» («жить в абсолютнейшем сюрреализме»)) [7, с. 205 – 206]. Полученные таким образом фразы фактически нуждаются в переводе: «Cette pièce, c'est un peu le must dans la crainte» о плохой театральной пьесе [7, с. 205]).

Кроме основных функций арго исследователи выделяют **дополнительные**.

Например, М. Сурдо [21, с. 15] отмечает 4) **экономическую** (закрывающуюся в том, что арготизмы могут употребляться не для того, чтобы зашифровать сообщение, а чтобы передать максимум информации, употребив минимум средств, т.е. сэкономить время (заключенные при разговоре друг с другом, студенты и др.). Эта функция наиболее значительна для технолюбов.

Дмитрий Сергеевич Лихачев выделяет 5) **магическую** функцию, характерную для преступного мира и заключающуюся в том, что обычные слова заменяются на арготические из-за боязни, что «неудачно, не вовремя сказанное слово может навлечь несчастье, провалить начатое дело» [цит. по 1, с. 9]. В этом отношении уголовное арготизм напоминает жаргонную и профессиональную речь лиц, связанных с профессиональным риском.

Большой универсальный словарь XIX века Пьера Лярусса [16, с. 753] выделяет 6) **функцию мировоззрения**, которая также относится к уголовному арготизму. То, что в нашем сознании воспринимается как негативное или вульгарное, в сознании вора носит почти героический, приподнятый характер, и, наоборот, к тому, что обычные люди считают добродетельным, вор относится с презрением. Так, например, для обозначения понятия «работа» существует термин «goupinier», а «goupilleur» – честный рабочий. Что же до грабежа, убийств, разбоя и других преступлений, то здесь обильно процветает синонимия, так как именно это является для криминальных элементов общества настоящей работой. Так, в «Позоре семьи» Шарля Эксбрэя преступники употребляют термин «работать» в арготическом значении «заниматься прибыльной деятельностью, запрещенной или терпимой сообществом, т.е. воровать или заниматься проституцией» [4]. (Э.М. Береговская [3, с. 23] тоже отмечает это свойство арготизма, но не выделяет его в особую функцию.)

По мнению Д. Франсуа, арготизм может иметь **аффективную функцию** (когда в силу некоторого целомудрия говорят «tu me bottes» (ты мне подходишь) вместо «tu me plais» (ты мне нравишься) [17, с. 6]. Так, в «Парижанах» Алена Шиффра жители французской столицы используют самые серьезные оскорбления, чтобы выразить свою нежность по отношению к кому-либо: «Tu n'es vraiment qu'une sale ordure pourrie / un rat puant / une espèce de crapule immonde = tu es un mec bien, mon fils est un crétin absolu, ma fille est totalement débile = mes enfants sont merveilleux» [7, с. 209 – 210].

Наконец, Ф. Карадек отмечает, что арготизм может использоваться даже из **снобизма** (социальная функция). Особенно это характерно для français branché («модного французского») в 80-х годах, когда вместо «ça me plaît» или «ça m'intéresse» говорили «ça me branche», вместо «démoté» или «incapable» – «ringard» и т.п. лишь потому, что это было модно [22, с. X – XI] (см. вышеуказанные примеры из «Парижан» Алена Шиффра).

Особенности употребления арготизмов в художественном тексте

Стилистический эффект от использования арготизмов действует не благодаря отдельным арготизмам, а благодаря их совокупности. Таким образом, можно сказать, что в литературном произведении арготизмы действуют целым блоком. В исследованных нами произведениях было установлено, что авторы прибегают к арготическим элементам языка для достижения следующих задач:

1) **для организации некой общей эмоциональной атмосферы в произведении**: например, атмосферы тревоги и неопределенности в криминальном мире, когда из-за действий полиции все начинают подозревать друг друга в обмане [4], или когда жители предместья живут в постоянном страхе депортации [6];

³ Литота – риторический приём, состоящий в том, что используется приуменьшающее выражение для большей выразительности. Например, «он не урод» вместо «он красив» [5].

⁴ Эвфемизм – смягченное понятие, которое используется для замены вульгарных, резких или неприятных слов и выражений. Например, «он уснул» вместо «он умер» [5].

⁵ Гипербола – стилистический приём, заключающийся в употреблении чрезмерно преувеличительных терминов для обозначения какого-либо предмета [5].

2) для передачи эмоционального состояния героев (страх, гнев, удивление и т.п.) в конкретный момент произведения: «Merde Diego! Chante en silence, tu me déconcentres!» [6, с. 72], «Putain! Je me suis chié dessus! Tu m'as fait peur!» [6, с. 95], «Félix, fous-moi le camp!» [4, с. 42] и т.п.;

3) для описания определенной социальной среды: мира преступников или полицейских, «модных» французов или жителей предместья и т.п.;

4) для акцентирования резкого перелома в характере героя: например, персонаж «Хрюизмов...» М. Дарьюсек начинает употреблять арготизмы в те периоды, когда превращается в свинью [5];

5) для создания лингвистического признака внедрения в определенную среду: после того как Брюно («Позор семьи») стал работать в полиции, он стал использовать арготизмы полицейских;

6) для акцентирования определённой черты духовного облика персонажа: например, Ахлем, главная героиня романа «О мечте для тронутых» употребляет в своей речи множество грубых, «мужских» арготизмов («J'ai des couilles, moi» [6, с. 99] и т.п.), так как постоянно вынуждена бороться с безработицей, расизмом, неудачами в личной жизни и кроме того должна заботиться о младшем брате и психически больном отце. В свои 24 года она уже давно исполняет роль главы семьи, что и сказывается на её лексике. Весь арготический блок выражает её энергию и решительность;

7) для обобщенной характеристики второстепенного персонажа (своего рода кроки): так, описывая Линду, подругу Ахлем, Ф. Ген пишет: «Puis c'est l'heure du bilan des potins du quartier avec Linda.com. Elle est trop forte, une vraie pipelette» [6, с. 14];

8) для выражения степени освоения языка персонажами иностранного происхождения (как известно, овладение арготизмами – это последний, высший этап изучения иностранного языка, но в предместьях арготизмы осваиваются быстрее, чем нормативный французский язык, поэтому арготизмы могут сочетаться с многочисленными заимствованиями (в частности, из арабского) и неправильным синтаксисом): «C'est une vraie crevarde là-celle, j'ai jamais vu ça, c'est un pull wesh, on dirait elle a jamais vu un pull» [6, с. 148];

9) для передачи мировоззрения какого-либо социального круга отдельным его членом. Так, Фуэд в «О мечте...» по наущению старших ребят принимает видение мира «слабой» части молодёжи предместий, той, что сдаётся и опускается до насилия и совершения преступлений: «... c'est la jungle! Faut les enculer avant que ce soit eux qui le fassent. Ceux d'en haut, les bourgeois, c'est les lions et nous, ici, on est des hyènes, on n'a que les restes» [6, с. 98];

10) для достижения комического эффекта. Так, в «Позоре семьи» Элуа Маспи думает, что его сын, как и он, станет преступником заявляя, что пойдет работать (см. выше), тогда как Брюно желает пойти в полицию.

Мы также отметили тот факт, что авторы изученных нами произведений используют арготизмы в основном в прямой речи (в диалогах или внутренней речи героев). Однако для романа Ф. Ген [6] характерно употребление арготизмов и в авторской речи, особенно при описании событий, которые вызывают гнев и возмущение писательницы (например, полицейские засады и ловушки для вполне законопослушных иммигрантов с целью их последующей депортации). Также и Алэн Шифр [7], описывая жителей столицы и их арготизмы, и сам прибегает к арготизмам для придания большей яркости, усиления комического эффекта: «Tirez-vous une bastos» (застрелитесь), «c'est à chier» (хреново), «bazarder» (загнать) и др.

Заключение. Подробно изучив природу и характеристики арготизмов, мы выяснили, что оно относится к экспрессивным средствам языка, входит во внутреннюю норму фамильярного стиля речи и относится к нестандарту. Арготизмы – это не отдельный язык, а его лексический пласт, использующийся членами закрытых сообществ и проникающий в определённую степень в речь всех слоёв населения.

Можно выделить следующие причины употребления арготизмов: чтобы исключить того, кто не входит в закрытую группу; распознать члена группы или осознать себя таковым; получить удовольствие от игры слов или их шифровки-расшифровки; сэкономить время на речевой акт; выразить свое отношение к миру; выразить свои эмоции; соответствовать модным тенденциям в языке.

Для арготизмов характерны депрециативность, богатое словотворчество, обусловленное их быстрым переходом в общенародный язык, комический характер.

Арготизмы в большой мере служат обогащению и развитию языка. Поэтому, несмотря на заявление борцов за чистоту языка, утверждающих, что арготизмы представляют угрозу для языка, иссушают, загрязняют и вульгаризируют устную речь, говоря словами Э.М. Береговской, можно считать, что «арготизмы... – это не вредный паразитический нарост на теле языка..., а органическая и в какой-то мере ... необходимая часть этой системы» [9, с. 40].

Особенности употребления арготизмов в современных литературных произведениях Франции были изучены с двух точек зрения: с точки зрения функций, которые они выполняют в речи персонажей, и с точки зрения оказываемого стилистического эффекта.

Сделан вывод о том, что в речи персонажей арготизмы выполняют те же функции, что и в языке: криптолическую, идентификационную, людическую, аффективную, мировоззренческую и социальную. С другой стороны, было установлено, что арготизмы действуют в произведении целым блоком и исполь-

зуются авторами для создания общей эмоциональной атмосферы. С их помощью передаётся эмоциональное состояние отдельных персонажей, придаются индивидуальные черты героям, а также констатируются изменения, происходящие с ними в ходе романа (резкий перелом в характере, вхождение в другую социальную среду). Арготизмы используются для описания какой-либо социальной среды или передачи её мировоззрения через отдельного члена, для выражения степени натурализации героев иностранного происхождения, а также для достижения комического эффекта. Было также отмечено, что в большинстве случаев арготизмы употребляются в прямой речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козельская, Е.А. Арго во французской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.А. Козельская; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – 163 л.
2. François, D. La littérature en argot et l'argot dans la littérature / D. François // Communication et langages. – 1975. – № 27. – P. 5 – 27.
3. Береговская, Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы / Э.М. Береговская. – Смоленск, 1975. – 120 с.
4. Exbrayat, C. La Honte de la famille / C. Exbrayat. – Moscou: Tsitadel, 2001. – 224 p.
5. Darrieussecq, M. Truismes / M. Darrieussecq. – Paris: P.O.L., 1997. – 160 p.
6. Guène, F. Du rêve pour les oufs / F. Guène. – Paris: Hachette Littératures, 2009. – 158 p.
7. Schifres, A. Lexique à l'usage des missions / A. Schifres // Les Parisiens / A. Schifres. – JCLattès, 1990. – Ch. 5. – P. 201 – 232.
8. Елистратов, В.С. Русское арго в языке, обществе и культуре / В.С. Елистратов // Русский язык за рубежом. – 1995. – № 1. – С. 35 – 48.
9. Береговская, Э.М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32 – 41.
10. Sourdôt, M. L'argotologie: entre forme et fonction / M. Sourdôt // La linguistique. – 2002. – Vol. 38, № 1. – P. 25 – 39.
11. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
12. Хованская, З.И. Стилистика французского языка / З.И. Хованская. – М.: Высш. шк., 1984. – 344 с.
13. Хованская, З.И. Стилистика французского языка / З.И. Хованская, Л.Л. Дмитриева. – 2 изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004. – 415 с.
14. Кёстер-Тома, З. Стандарт, субстандарт, нестандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика. – 1993. – № 2. – С. 15 – 31.
15. Hugo, V. Les misérables / V. Hugo // Ebooks libres et gratuits [Ressource électronique]. – 2004. – Mode d'accès: <http://www.ebooksgratuits.com>. – Date d'accès: 15.02.11. – T. IV: L'idylle rue Plumet et l'épopée rue Saint-Denis. – 549 p.
16. Larousse, P. Argot, Le Grand Dictionnaire universel du XIX siècle / P. Larousse // Dictionnaire de l'argot / J.-P. Colin, J.-P. Mevel, C. Leclère. – Paris: Larousse, 1996. – P. 751 – 763.
17. François-Geiger, D. Panorama des argots contemporains / D. François-Geiger // Langue française. – 1991. – № 90. – P. 5 – 9.
18. Rey, A. L'amour du français. Contre les puristes et autres censeurs de la langue / A. Rey. – Paris: Denoël, 2009. – 320 p.
19. Colin, J.-P. Dictionnaire de l'argot / J.-P. Colin, J.-P. Mevel, C. Leclère. – Paris: Larousse, 1996. – 763 p.
20. Sarré, A. Lexik des cités illustré / A. Sarré, B. Sylla et d'autres. – Paris: Fleuve Noir, 2007. – 368 p.
21. Sourdôt, M. Argot, jargon, jargot / M. Sourdôt // Langue française. – 1991. – № 90. – P. 13 – 27.
22. Caradec, F. Dictionnaire du français argotique & populaire / F. Caradec. – Paris: Larousse, 2001. – 295 p.

Поступила 29.05.2013

USE OF ARGOT IN FRENCH SPOKEN LANGUAGE AND LITERATURE

O. PARSHUTA

Examined is the use of argot in French spoken language and literature. The author studies the problem of defining the term "argot" and states that the existing terminology is too diverse and the terms either duplicate each other without any special need or describe this phenomenon not very accurately. The definition of argot suggested by E.M. Beregovskaya which conforms to the French linguistic system is taken as the most precise. The nature of argot is also considered from the point of view of linguistics, stylistics. Its specific characteristics, functions and reasons of the use in French spoken language and literature are scrutinized. It is concluded that the use of argot in the speech of characters corresponds to the functions of argot in spoken language and is used by authors to create different stylistic effects, make their characters more truthful, describe "local colour" etc.